«Вы помните сцену, когда уходит военный оркестр?»

Комс. правда. – 1993. – 18 дек. – с. 2

Евгений Леонов — о театре, времени и Боге

Когда-то, живя по соседству, я часто встречал во дворе артиста «Ленкома» Евгения Леонова. Он выгуливал своего Тимошку. Двор — каменный мешок с трех сторон, а с четвертой — сетка школьной спортплощадки. Еще повсюду автомобили и мусорные свалки. Нормальный московский двор между 2-й и 3-й Фрунзенской. Теперь я живу в Вильнюсе. Дворы не лучше, и все же...

— Евгений Павлович, как поживает наш двор?

— Такой же захламленный, как и прежде, если не больше. Понаставили повсюду коммерческие палатки и, знаете, такие металлические ангары для своих автомобилей. Шагу ступить нельзя. Дети тоже теперь вместо того, чтобы ходить в школу, сидят в палатках этих коммерческих — торгуют.

— Вы читаете в Вильнюсе монолог из «Диктатуры совести» Шатрова, в котором есть такие слова: «Я презираю вас, пришедших к власти демократов, заботящихся о себе больше, нежели о всех остальных». Это ваше отношение к политике?

— Мне кажется, что, конечно, политика — дело такое серьезное. Я не считаю, что это грязное дело. Я только считаю, что политика не должна «вылезать дальше бугра», потому что экономика — все же важнее.

Мне иногда кажется, что в наше время почему-то не самые талантливые вперед вылезли — и в руководстве. Посмотрите, нет никаких необыкновенных профессионалов, нет, по-моему, и интеллигентов. Меня иногда пугает, что нет даже образованных людей. Вроде все там имеют — какие-то степени, звания, кто-то даже профессор, а вот воспитания нет.

— Как же тогда живется актеру?

— Как ни странно, люди в театр ходить продолжают. К нам в «Ленком» за углом билеты по 15 тысяч продают. Я вот иногда думаю: договориться бы с кассиршей! Тем более что все вокруг, и с экранов телевизоров тоже, советуют заняться коммерцией. Но вот совесть не позволяет. Мне раньше часто задавали вопрос: дескать, деньги любите? Я всегда говорил: да нет, я как-то и не думаю об этом. Но стараюсь заработать — актерская профессия такая: то в кино пригласят, то еще куда-то. Конечно, хорошо сейчас быть богатым, миллионером даже, чтобы я мог вытащить чек и сказать: «Сдачи не надо! Что там тысяча долларов! Оставьте себе». Но я так не могу сказать, потому что проворонил то время, когда нужно было организовать свою фирму. Многие вовремя спохватились, разбежались кто в бизнес, кто куда. Марк Захаров пошел на телевидение — это прибыльно. Теперь в моде различные шоу, чтобы всех разом ошарашить. Я бы предложил поставить шоу и по «Капиталу» Маркса.

Помню, будучи еще подростком, в военные годы, сидел на ступеньках МХАТа, смотрел «Три сестры». До сих пор переживаю катарсис — вы помните сцену, когда уходит военный оркестр... Сейчас же постановку Эфроса «Три сестры» совсем испохабили. Сейчас ходят на громкие спектакли, чтобы со скандалом, на Виктюка, на «Мадам Баттерфляй», на «Вишневый сад», в котором нет ничего от «Вишневого сада».

Сейчас улица сравнялась со сценой или же сцена сравнялась с улицей по уровню бескультурья и безнравственности. Я никогда, кстати, не называл театр храмом и сейчас тем более не называю. Никто не испытывает чувства стыда: в прошлом году выпустили фильм с названием матерным из трех букв. Так в приглашении и написано: «Приглашаю Вас на...» Господи, иногда хочется встать на колени и помолиться, когда видишь, что с нами со всеми происходит!

— Этому и посвящен ваш спектакль «Поминальная молитва» по Шолом-Алейхему?

— Если не нравятся христианские заповеди: не убий, не укради, не прелюбодействуй... Сейчас никто из молодых людей, во всяком случае многие, особенно в таких больших городах, как Москва, ни во что не верят. Но есть другая заповедь, которая мне очень симпатична: «Выше закона может быть любовь, выше права — милость, выше справедливости — прощение». Но к этому надо стремиться, помнить всегда о том, что есть Бог. Я был воспитан в безверии, как и все мое поколение. Но, правда, и никогда не топтал веру других.

Может быть, меня Бог и спас, поскольку я был в безнадежной ситуации: в своей жизни два раза уже умер, и немцы меня спасли. Я 28 дней проблуждал неизвестно где, не двигал руками, не моргал, за меня машины работали — дышали, и сын со мной сидел и звал меня назад. Так врач сказал: «Пой песню ему, если он услышит, то вернется. Если будет знать, что кто-то ждет его на этой земле...»

Может быть, это я придумал потом. Может, это я сам сочинил. Но вот когда я помер, мне тысяча писем пришла. «Леонов, разве ты не понял, что тебя на землю назад прислал Бог?» Инфаркт, смерть клиническая, потом второй инфаркт, потом никто не может понять, где я находился 19 дней, потом операция, потом еще 9 дней... Мы как-то потихоньку о Боге стали забывать.

И мой спектакль «Поминальная молитва» начинается с того, что я выхожу на сцену в обычном своем костюме, читаю письмо-завещание прекрасного писателя Шолом-Алейхема своим детям: чтобы на его могиле единственный сын читал в каждую годовщину, а также его зятья, если пожелают, Поминальную молитву. А если не захотят, пусть читают рассказ вслух, из самых веселых, на любом языке. Эту бумажку артист Леонов пришпиливает к декорации, а через 5 минут прихлопнет окровавленной пятерней, испачканной в крови убитого ребенка. И висит эта бумага, напоминая зрителям о том, что злоба и ненависть, неуважение, презрение к другим в ответ могут вызвать точно такое же презрение, такое же неуважение, такую же ненависть и злобу, когда забываешь о Боге.

Вот я сейчас смотрю, что все наши рванули в церковь. Если это искренне, хорошо. Если это просто так... Глядя на то, что творится в Москве,— изнасилования, проституция, убийства, нищета, — думаешь, что христианские заповеди звучат нелепо и смешно. Свобода, оторванная от интеллигентности и морали,— страшная вещь. Однако хочется верить, что жизнь станет чище и светлее. Верю, что в нынешней России найдутся люди, какими в свое время были Третьяков, Мамонтов, Рябушинский, немало сделавшие для русской культуры.

Фото Виктора ГАНЧУКА.

После болезни я оказался на обочине, в стороне от всего. Для актера это равносильно смерти. И хочется крикнуть Ельцину и другим: «Осторожно, человек на обочине!» Нельзя выбрасывать нас из жизни, как выбросили Георгиевскую, нельзя, чтобы заслуженное признание приходило к артисту после его смерти, как случилось с Шукшиным, Высоцким, Мироновым. Георгий Бурков, Юра Богатырев —те прямо на сцене умерли от инфаркта. Дело наше такое, зыбкое... В нем и слезы, и радость пополам.

В кино кругом одна порнуха. Нет, не эротика даже, мне эротика нравится — когда художник умеет почувствовать и показать красоту женского тела. Но то, что показывают у нас, ни в Америке, ни во Франции смотреть не станут. Потому что это мерзко, это пошло, это похотливо, это для стран третьего мира.

Меня и то показывают — за какую-то мою сексапильность, что ли. Для хорошего кино сейчас плохие времена. Мне нравится, что обновляется все — пусть медленно, пусть постепенно, что мы становимся другими людьми. Но как-то надо было просчитать, чтобы не было таких больших потерь, особенно в духовной жизни. «Засунь себе ордена свои в одно место»,— говорят мне. И что? И засунул! Ну не нужно мое искусство. Я вот снялся у Георгия Данелия, говорю ему: «Гиви, твой фильм, то есть наш (хотя у меня там не заглавная роль, он теперь молодых больше снимает), когда выйдет?» А он мне: «Да его купил кто-то». — «Ну и что?» — «Не знаю,— говорит,— сделал себе копию и еду с ней в Израиль, там буду показывать, выступать». А я ему: «Ты укради и мне копию фильма, я в Америку поеду — буду показывать». А он мне: «Две копии не украсть, сложно».

Возьмем режиссера Абуладзе. С него вся перестройка началась, с «Покаяния». Теперь его в Грузии назвали предателем нации, а в России — свои проблемы. Вот он и вынужден был уехать во Францию. Там по приглашению Миттерана полгода будет показывать свои картины. Я вспоминаю: приедешь во Францию, а там Елисейские поля, освещено все так... Все горит-полыхает. Люди сидят, кофе пьют, собака-бульдог рядом, и никто не кричит: «Уберите собаку!» Люди радостные... Шантанчики вокруг всякие, огни разноцветные... Словом, потрясающе. Хотя и у них свои проблемы есть, как и в каждом государстве. Но сидят, смеются, целуются. И никто никому не указывает: кончай, мол, целоваться. Огни кругом, машины, и никому дела нет, как зовут президента страны. Потому что это не самое главное для них. Дети рождаются! Кофе пьют, собаки сидят. А у нас — ваучеры...

Владимир ВЛАДО.

Вильнюс.

Леонов Евгений

18 дек. 1993